

УДК 93/94

СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ И РАННЯЯ РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СИБИРИ (КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XVII вв.): ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ

© 2016 г. Я.Г. Солодкин

С основанием русскими служилыми людьми Тюмени и Тобольска в их гарнизонах начали складываться контингенты служилых татар (йомышлы); затем такие подразделения появились в Таре и Томске (со временем – в Кузнецке и Красноярске). Служилые татары приняли участие в походах, которые новые власти Сибири организовывали против Кучума (вплоть до его окончательного поражения в 1598 г.) и Али, ногаев, ойратов, джунгаров, киргизов, в экспедициях на верхнарымского князя Воюю, а также в томские «землицы» и кузнецкие волости для объясачивания их жителей, сопровождали родственников хана Кучума (в том числе пленных) в Москву. В годы московской Смуты йомышлы направлялись в Пелымский край для подавления волнений местных «иноземцев» и к Ямышевскому озеру, где калмыки препятствовали служилым людям добывать соль. Действуя под началом голов, которыми являлись и русские, и татары (из последних известны М. Ачекматов и Д. Иртяшев), йомышлы, приносившие шерть московским самодержцам, сыграли значительную роль в присоединении к России или закреплении за ней владений сибирских ханов либо их вассалов и союзников.

Ключевые слова: Йомышлы, Сибирь рубежа XVI–XVII вв., ее русская колонизация, Кучум, Али, головы служилых татар, Тюмень, Тобольск, Тара, Томск.

Уже Г.Ф. Миллер обратил внимание на то, что под предводительством русских воевод и письменных голов, а то и атаманов с отрядами Кучума и Кучумовичей сражались и татары, принятые на службу московским самодержцам. Как полагал «отец сибирской истории», при этом государевы «начальные люди» следовали совету Ермака. Знаменитый ученый имел в виду «отписку» казачьей «дружины» царю Ивану с изложением условий шерти, к которой, овладев Кашлыком (Искером), победители привели недавних подданных Кучума; содержание этой «отписки» передано в многочисленных разновидностях ЕЛ (Миллер, 1999, с. 230–231, 282–283). Такой взгляд повторили известные современные сибиреведы З.А. Тычинских и Ю.С. Худяков; последний даже отнес ко времени похода Ермака первые случаи перехода сибирских татар на русскую службу (Худяков, 2013, с. 64). В специальной работе Ю.С. Худяков, однако, смог сослаться лишь на то, что мурза Сенбахта Тагин сообщил казакам о местоположении «походного лагеря» царевича Маметкула, а татарские князцы Ишбердей и Суклем привезли «ратоборному» атаману «подарки и запасы продовольствия», причем Ишбердей вскоре «стал проводником» у сеунчиков, от которых в Москве узнали о «взятии» ханства Кучума «русским полком». Заметим также, что Ишбердея и Суклема, о которых сообщается в РЛ, еще Г.Ф. Миллер и Н.М. Карамзин причисляли к вогульским владетелям (ср. Бахрушин, 1955, с. 88; ПЛДР, 1989, с. 702), версия же о поездке казачьей станицы ко двору Ивана Грозного, встречающаяся у многих московских и сибирских книжников XVII в., вообще является мифической.

Как можно считать подобно А.С. Зуеву и В.А. Слугиной, об условиях включения «иноземцев» в состав служилых людей тобольский «слогатель» поведал до осени 1636 г. на основании шертоприводной записи, относящейся к первым десятилетиям, последовавшим за «взятием» казачьим «товарством» «Кучумова юрта». Список же такой записи, которой часто оперировали историки, передает фрагмент не ЕЛ (Зуев, Слугина, 2015, с. 33), а миллеровского «Описания Сибирского Царства» (Солодкин, 2015, с. 139, и др.). (Попутно отметим, что заключение, будто сам «Ермак был одним из ... представителей ... плеяды «инородцев», служивших России» (Кадырбаев, 2011, с. 86, и др.), следует причислить к домыслам).

Весной 1595 г., вскоре после основания Тары, в экспедицию против «иноземцев», отказавшихся шертовать «белому царю», из Тюмени во главе с десятником И. Луховцом отправили 16 татар. Но в отличие от принявших участие в том же походе (завершившемся «повоеванием» волостей Чангулу и Лугуй, взятием Тунусского городка) казаков и «литвы», эти татары, насколько известно, наград – «послужных денег» – не получили, т. к., по словам В. И. Сергеева, «еще не считались служилыми людьми». Зато в следующем году в Тюмени и юртовских татар принимали на госуда-

реву службу (Миллер, 1999, с. 361; Миллер, 2000, с. 173; Сергеев, 1960, с. 123). В подтверждение своей мысли историк отчего-то ссылался на документы об устройстве острога в 1600 г. в «юрте» Епанчи, которого московские приказные называли то татаринном, то остяцким головой. (С. В. Бахрушину казалось, что Епанча мог быть и татаринном, и отатарившимся вогулом) (Миллер, 1999, с. 374, 376, 378–379, 468). Напомним, однако, что с кучумлянами сражался видный служилый татарин Тюмени (в 1606 г. – их голова) М. Ачекматов (Азехматов) при первом воеводе этого города (в то время еще острога) В. Б. Сукине, т. е. в течение 1586–1588 гг. По челобитной середины XVII в. четырех сыновей Маитмаса (умершего в 1630/31 г.), он и «ставил» Тюмень, а затем Тобольск и Тару (Бахрушин, 1955, с. 164; Миллер, 1999, с. 226, 283, 479). В 1628 г. Ч. Тлеубердеев, К. Баубеков, Т. Кучебаков «с товарищи» – «захребетные татары» – «дети и братья и племянники» служилых – утверждали в челобитной, что «служили ... на Тюмени отцы наши и дядья ... всякие государевы службы по сороку и по тридцати лет» (РИБ, 1884, с. 593), иначе говоря, как можно думать, отчасти уже со времени основания Тюмени. Местные же татары в 1595 г. могли быть обойдены при награждении «за тарскую послугу», ибо, хотя и вернулись из похода на «государевых непослушников» «здорово», отличились в глазах И. Луховца меньше казаков и «литвы». Известно и о том, что в 1596 г. С. Вязьмин (видимо, приказный человек) посылал служилых татар Какшара, Майтмаса (Ачекматова) и Бахтураса за покинувшими Тюмень 50 ясачными служилыми татарами (20 не последовали их примеру) с заданием возратить беглецов, дабы государеву «службу служивые татарове служили». (В 1601 г. в Тюмени насчитывалось полсотни юртовских служилых татар, головой которых являлся Д. Иртяшев) (Миллер, 2000, с. 174–175, 192).

Как представлялось А. А. Марийчиной, Черкас (Иван) Александров (Корсак) (исследовательница почему-то именовала его Александром Шляхтой) «в качестве татарского головы» строил Тобольск. (Заметим, что мнение об участии Черкаса в сооружении Тобольского острога (Загороднюк и др., 2003, с. 16; Полищук, 2006, с. 87; Шашков, 1996, с. 131, и др.) – всего лишь допущение, исходящее из факта службы этого атамана, затем головы в будущей сибирской столице по крайней мере с лета 1594 г., и атрибуции, которая не может считаться доказанной, этому казаку, к концу жизни занявшему самую высокооплачиваемую должность в гарнизоне «преславного» Тобольска, т. н. Погодинского летописца, где имеется обстоятельный рассказ о возникновении «старейшины» городов «русской» Сибири). А. А. Преображенскому думалось, что Черкас носил чин татарского головы, не поясняя, где, со времени «взятия» Сибири, а на взгляд Д. Н. Маслюженко, – в пору экспедиции «на Тару-реку» в 1593–1594 гг. (Марийчина, 2004, с. 163; Маслюженко, 2010, с. 9; Преображенский, 1976, с. 382). Точнее, в этой экспедиции, состоявшейся в 1594 г., Черкас Александров, как и в следующем году, при подавлении восстания остяков и самоедов Березовского уезда, являлся атаманом тобольских служилых татар. Сотня их под началом атамана Черкаса (который обычно принимается за сподвижника Ермака, хотя без достаточных оснований (Солодкин, 2013, с. 118–120)), что предусматривала царская грамота в Сургут от 31 августа 1596 г., должна была в рядах сводного отряда местного письменного головы И. И. Колемина предпринять экспедицию на князя Пегой Орды Воюю. В ходе этой экспедиции, совершенной в 1597 г., пал Верхний Нарым и появился Нарымский острог (Вершинин, Шашков, 2004, с. 15, 17, 18). В чине головы, но, конечно не письменного, как утверждал С. Г. Филь, служилых татар Тобольска (их общая численность уже в то время могла достигать 250) Черкас упоминается, о чем писал еще И. В. Щеглов, с лета 1598 г., когда в составе отряда тарского письменного головы А. М. Воейкова (его С. В. Бахрушин и З. А. Тычинских неверно сочли тобольским воеводой) участвовал в сражении на Ормени (Ирмени) в Среднем Приобье, – сражении, в котором Кучум потерпел окончательное поражение (Акты, 1841, с. 1, 2, 4; Никитин, 2001, с. 62, 63, 65, и др.). Десятилетие спустя под предводительством Черкаса служилые люди «начальнейшего града» «далечайшей государевой вотчины», включая, очевидно, и татар, взяли в плен следующего сибирского хана – Али (Алея) (Трепавлов, 2012, с. 76, и др.).

Вплоть до настоящего времени многие исследователи подобно Г. Ф. Миллеру воспроизводят версию РЛ о разгроме в 1591 г. первым тобольским воеводой князем В. В. Кольцовым-Мосальским (который в этом походе располагал и контингентом служилых татар) ставки Кучума на озере Чиликуль (Миненко, 2004, с. 46; Никитин, 2011, с. 118; Файзрахманов, 2002, с. 206, 212; Худяков, 2011, с. 106; Худяков, 2013, с. 64–65; Худяков, 2014, с. 219; Трепавлов, 2012, с. 34, и др.). Эту версию, однако, следует отнести к числу «вымышленных событий» (по классификации Е. К. Ромодановской) «покорения Сибири» в изображении тобольского «изографа» петровской эпохи (Солодкин, 2014, с. 60–62, и др.).

Наказом 1594 г. первому тарскому воеводе князю А.В. Елецкому предписывалось держать в остроге наряду с казаками татар – служилых (тобольских и тюменских) и «тутошных», «чтоб быть безстрашным», а в «посылки» на Кучума, которого следовало «истеснить», отправлять «литву», казаков, служилых татар из Тобольска и Тюмени, а также местных «ясашных» под предводительством М. Мальцова (в подчинении у этого головы – помещика Мещовского уезда (Акты, 2008, с. 207) – находились 300 «башкирцов» и сотня татар из Казани и Свияжска), С. Рупосова (тобольского казачьего или стрелецкого головы, относившегося к выборным дворянам по Суздалью) и атамана Ч. Александрова. (Мамлей Мальцов являлся одним из голов у татар «из Чебоксари и ис Кокшаги» еще в зимнем походе 1583–1584 гг. на луговую черемису). Как показывает «роспись, что послано с воеводою со князем Ондреем Васильевичем Елецким с товарищи в новую город на Тару реку ратных людей и хлебных запасов и наряду и зелья и свинцу», предусматривалось участие в основании этой крепости в Среднем Прииртышье сотни тобольских служилых татар под началом Ч. Александрова, голов Байсеита (Ю.С. Худяков почему-то именует его Баязетом) и Байбахты вместе с сотней казаков, «литвы» и черкас головы С. Рупосова (помимо 450 ясачных татар – конных и с пищальями «на судех», да и еще 50 конных татар, видимо, тюменцев). Князь А.В. Елецкой «с товарищи» получили распоряжение к зиме 1594/95 г. отпустить обратно 50 тобольских конных татар во главе с Байсеитом и 50 тюменцев; столько же «лугчих», находившихся в ведении Байбахты, должно было оставаться в «Тарском городе» (вероятно, в качестве годовальщиков, подобных тем, которые накануне несли службу в Обском или Мансуровском городке). А. В. Елецкому разъяснялось, что если «по вестям смотря, будет к зиме надобна прибавка», ему надлежит известить тобольских и тюменских администраторов, и они обязывались, «переменя жалованных», т. е. отпущенных по прежним местам службы, отправить в распоряжение воеводы Тары по 50 конных татар. Следующему тарскому «седоку» князю Ф.Б. Елецкому по наказу от 10 февраля 1595 г. тоже надлежало обращаться за помощью в Тобольск и Тюмень, дабы их воеводы прислали в недавно «поставленный» город конных «литву», казаков и служилых юртовских татар с целью над Кучумом «промыслить, и волости, которья государю не послушны, повоевать» (Миллер, 1999, с. 282, 348, 349, 351, 352, 357). Тобольские татары находились в отрядах ермаковца Г. Ясыря (совершившего в конце 1594 г. поход к Визюкову озеру против аялымских татар) и тарского письменного головы Б.И. Доможирова, овладевшего следом Черным городком в верховьях Иртыша (согласно А.В. Матвееву и С.Ф. Татаурову, в центре Омского Прииртышья). Когда воевода Тобольска князь Ф.М. Лобанов-Ростовский отправил «на Тару» 239 служилых, в том числе татар, для того, чтобы «над Кучумом царем промыслиати», 17 марта 1595 г. отряд Б.И. Доможирова и С.С. Рупосова, насчитывавший 483 человека, включая служилых юртовских и волостных татар, выступил в Барабинскую степь – в те волости, население которых платило ясак не московскому государю, а ногайскому мурзе Алею; эти волости – Чангула и Люба – были «повоеваны», захвачен и городок Тунус. Впрочем, в перечне участников похода, удостоившихся «жаловального слова», татары не упомянуты (Миллер, 1999, с. 288, 290, 358, 359, 362–363) – либо из-за пропуска, допущенного при копировании документа, либо в силу того, что в оценке властей заслуги этих служилых опять-таки оказались менее существенными, чем других ратных людей.

Многие историки вслед за Г. Ф. Миллером повторили известие РЛ о том, что на реке Ормени (Ирмени) с «кучумлянами» сражались 700 русских и 300 татар. (В «Служебной чертежной книге» С.У. Ремезова утверждается, будто в 1598 г. бывшему властителю обширного юрта, кроме казаков и стрельцов, противостояли татары из Тобольска, Тюмени и Тары – по сотне из каждого города). Давно опубликованные документы (выдержки из которых процитировал еще Н.М. Карамзин) позволяют, однако, определить, что в битве на Ормени, оказавшейся для Кучума последней, А.М. Воейков располагал отрядом, насчитывавшим 404 служилых, включая 140 татар: 100 тобольских, 30 тарских, 10 тюменских (Акты, 1841, с. 1, 3; Вершинин, 2014, с. 186; Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с. 32; Солодкин, 2014б, с. 27–28). Заметим, что в РЛ подобно КЗ – старшей из сохранившихся редакций Сибирского летописного свода – предводителем войска, от которого Кучум потерпел очередное, теперь уже окончательное поражение, ошибочно назван тарский воевода князь И. Мосальский. Учтем также, что по свидетельству С. У. Ремезова, три сотни ратников во главе с В. Сукиным и И. Мясным заложили Тюмень; если верить Кунгурскому летописцу, фрагменты которого содержатся в РЛ, 300 казаков еще до сибирской экспедиции «в поход ходили на вогуличей», с «дружиной» такой же численности Ермак двинулся на кучумлян накануне гибели (ПЛДР, 1989, с. 566, 567, 575, 581, ср. с. 562). Как утверждал автор «Истории Сибирской», после гибели Кучума в ногайских кочевьях его сторонники направились к Тобольску «и приложишася

ясак платити»; тех из них, кто перешел в православие, зачислили «в новокрещеной список», а 300 (опять-таки!) мурз и мурзичей были «поверстаны в службу» с окладами в 7 и 15 рублей, определив этим служилым в голову русского чиновника (ПЛДР, 1989, с. 568). По наблюдению З. А. Тычинских, данное сообщение РЛ подтверждается наказом русскому послу в Персию князю А. Ф. Жировому Засекину (в этом документе 1600 г. сказано о пленении при разгроме непокорного хана свыше 300 мурз, которых привели к царю Борису) (Тычинских, 2010а, с. 47; Тычинских, 2010б, с. 118). В упомянутом наказе, однако, умалчивается о приведении к шерти попавших в неволю мурз. Кроме того, в РЛ не говорится об отправке многочисленных пленников ко двору нового московского самодержца. Судя по документам начала осени 1598 г., таких пленников насчитывалось несколько десятков. Головами у служилых татар порой, напомним, являлись и выходцы из их собственной среды. Зачастую не соответствуют документальным данным и указания создателя РЛ на размеры жалованья служилых татар (Бахрушин, 1955, с. 171–172; Тычинских 2010а, 255–260, и др.).

Родственников Кучума, плененных на Ормени, сопровождали в Москву тобольские и тарские татары, в том числе Кизылбай Купландеев (Копландеев) – один из самых видных «йомышлы» из гарнизона столицы «русской» Сибири в первой трети XVII в. (Акты, 1841, с. 6, ср. с. 12, 13, 15; Бахрушин, 1955, с. 174; Миллер 2000, с. 284; РИБ, 1884, с. 619, 673, 685, 704). В 1600–1601 гг. Кизылбай, кстати, охранял Берди Мурата ибн Кучума на пути из Тобольска в Москву (через Туринский острог и Верхотурье) вместе с «литвой», казаками, стрельцами и татарами Д. Купкилдеевым и Т. Кулмаметовым – в недавнем прошлом ханским сейидом Тул-Маметом, который предположительно считается основателем рода Кульмаметевых/Сейдяшевых (Самигулов, 2014, с. 164). (А.Г. Нестеров почему-то утверждает, что сведения о жизни и деятельности Берди Мурата отсутствуют (Нестеров, 2002, с.210)).

В начале 1607 г. управлявшие Тюменью воевода боярин М.М. Годунов и письменный голова Н.М. Изъединов (считать и последнего воеводой (Нестеров, 2002, с. 210) не стоит) в ответ на отписку из Тобольска готовились «послать ... на колмаков ратных людей литву и черкас, и конных казаков, и татар юртовских, и ясачных и охочих людей», и предложили туринскому воеводе И.Н. Годунову прислать «вскоре не мешкая» русских и татар, которые «похотят ... охочие ... итти на колмаков с тюменскими людьми вместе». В конце мая 1611 г. воевода С.И. Волынский (на время сменивший М.М. Годунова) сообщал ведавшему Туринском Ф.П.Акинфому о распоряжении, видимо, главы Тобольского разряда, направить против ойратов из Тобольска, Тюмени и Тары «войною и охочих всяких людей и татар», и предлагал туринцам – русским и татарам, вогулам и «тарханцам», которые захотят участвовать в этой экспедиции, прибыть через месяц в Тюмень. (В то время, кстати, в Туринском остроге не было постоянного гарнизона). Весной – летом 1607 г. тюменцы, совершив два похода, сумели разгромить отряды хана Али (в первом из этих походов М. Ачекматов взял в плен мать преемника Кучума, во втором, действуя под началом Н.М. Изъединова, – жену и двух сыновей Али) (Бахрушин, 1955, с. 164; Миллер, 2000, с. 36, 37, 40, 228, 234, 258, 283 – 284, ср. с. 617; Трепавлов, 2012, с. 75, и др.). (В представлении Ю.С. Худякова, «судя по имени командира отряда», выступившего тогда «на защиту киньрских татар», – Казарий, Изъединов являлся головой тюменских татар из их собственной среды (Худяков, 2011а, с. 6; Худяков, 2011б, с. 106, и др.). В действительности Изъединова (как констатировал еще К. Б. Газенвинкель, письменного голову) звали Назарием Михайловым сыном и он принадлежал к корпорации тверских выборных дворян).

Летом 1608 г. в погоню за ногаями во главе с мурзой Урусом, появившимися возле Тюмени, послали атамана Д. Юрьева с «литвой», конными казаками и татарами, и за Исетью многих напавших на ясачные волости перебили и «поймали» в «языках» (Миллер, 2000, с. 243).

Из отписки тобольского «наместника» князя И.М. Катырева-Ростовского мы узнаем о том, что накануне, 25 мая 1609 г., «сидевшие» в Томске В.В. Волынский и М.И. Новосильцев отправили «в Киргизы войною томских служивых людей и татар человек с 300». Многие киргизы, не успевшие бежать, были убиты, но уцелевшие, когда служилые и татары возвращались, их «побили и переранили человек з 20 и больше», а 4 июля – в тот день, когда томичи вернулись из похода (занявшего, таким образом, 10 дней), – «черные колмаки», т. е. джунгары, «переранили и в полон поимали» «сторожей томских татар». В 1610 г. воеводы В.В. Волынский и М.И. Новосильцев извещали царя Василия о «посылке» местных татар в «кузнецкие волости». Так, томские татары вместе с другими служилыми людьми (их общая численность составила четыре десятка) под началом атамана И. Павлова совершили поход за ясаком, хотя собрать его сполна не смогли. Вскоре те же томские «градодержатели» сообщили в Москву (уже избранному на русский престол королевичу Владисла-

ву) об отправке в «кузнецкие волости» десятников И. Тиханкова и С. Саламатова со служилыми людьми и томскими татарами, которым пришлось выдержать осаду (примечательно, что последние опять-таки отличались от русских служилых) (Миллер, 1999, с. 419, 420, 424, 426). (Томичи побывали в «кузнецких волостях», чтобы собрать там ясак, еще в 1606/07 г. (РИБ, 1875, с. 177)).

В последние месяцы 1611 г. И. М. Катырев-Ростовский предписал тюменскому воеводе М.М. Годунову из-за отсутствия соли для выдачи жалования ратным людям «на весну, как лед вскроется, послати ... к соленым озерам (через Тару на Ямыш. – Я.С.) ... служивых» «с вогненным боем» и столько же татар «в судех и полем на конех» (Миллер, 2000, с. 41, 259). Летом 1612 г. (вскоре после 12 июля) тот же разрядный воевода сообщал в Тюмень об отправке к Пелыму, которому угрожали мятежные вогулы, 40 «литвы» и 50 татар из Тобольска и приказал М. М. Годунову выслать на Тавду полсотни служилых «с вогненным боем» и 50 татар «как бы было скорее» и «промышляти с пельмскими и тоболскими людми над изменники вместе заодин». В том же году тарские служилые, включая подчиненных татарского головы Б. Байкача, у озера Колмака разгромили ойратов, за что удостоились «послужных денег» (РИБ, 1875, с. 288; Обозрение, 1901, с. 30–31).

Приведенные данные, между прочим, заставляют отклонить мысль о том, что «строительство Томска (осенью 1604 г., кстати, как отмечалось З. Я. Бояршиновой, при участии юртовских татар. – Я.С.), по всей видимости, послужило переломным моментом в политике московского правительства, ранее опасавшегося различных враждовавших с Россией сибирских князцов» (Резун, 1996, с. 18).

Таким образом, «йомышлы», обеспечивая наряду, к примеру, с кодскими остяками «фронтир (в Сибири. – Я.С.) дополнительной боеспособной силой, адаптированной к местным условиям» (Конев, 2012, с. 99), сыграли значительную роль и в присоединении, и в закреплении за Россией новых земель, ранее подвластных Кучуму либо его вассалам и союзникам. На раннем этапе русской колонизации «Сибирской страны» (конец XVI – первые годы XVII вв.) служилые татары, иногда подчиняясь головам из собственной среды, принимали участие в сражениях с войсками Кучума и его наследников, в частности, в пору сооружения и первые месяцы существования Тюменского острога, сразу после основания Тары, у Ормени (где хан, и прежде безуспешно пытавшийся противостоять «дружине» Ермака и отрядам государевых воевод, был окончательно разбит), при подавлении восстания березовских «иноземцев», в ходе экспедиции против верхнарымского князя Вони, в «улусе» которого следом был «срублен» Нарымский острог, в боях с ногаями, калмыками, джунгарами, киргизами во время московской Смуты, в объясачивании населения томских «землиц» и «кузнецких волостей», в «посылках» к Пелыму, где «шатость» вогулов могла перерасти в открытый мятеж, и к Ямышевскому озеру «по соль». Аналогичные функции служилые татары, контингенты которых сложились также в Кузнецком и Красноярском острогах, выполняли и в последующие десятилетия, когда Западная Сибирь уже прочно вошла в состав Российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею имп. Академии наук. Т. 2. СПб., 1841, IV, 438, 29 с.
2. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 4. М., 2008. 632 с.
3. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. 299 с.
4. Вершинин Е.В. Рец.: Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012 // РИ. 2014. № 3. С. 184–187.
5. Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 10–32.
6. Дергачева-Скоп Е., Алексеев В. Служебная чертежная книга: Семен Ремезов и сыновья: Текст рукописи Российской Национальной Библиотеки [Санкт-Петербург]: Комментарии. Тобольск, 2006, 169 с.
7. Загороднюк Н.И., Квашнин Ю.В., Конев А.Ю., Ломакин И.А., Усманов В.Г. Самаровский край: История Ханты-Мансийского района. Тюмень, 2003. 295 с.
8. Зуев А., Слугина В. Летописные известия и шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // РИ. 2015. № 3. С. 30–44.
9. Кадырбаев А.Ш. Ермак и «взятие Сибири»: тюркский контекст // ИЭК. Курган, 2011. С. 82–87.
10. Конев А.Ю. Сибирские иноземцы и русская Смута: от присяги на верность до «изменного дела» // Смутное время в России: конфликт и диалог культур: Мат-лы науч. конф., Санкт-Петербург, 12–14 октября 2012 года. СПб., 2012. С. 99–103.
11. Марийчина А.А. Белорусская диаспора в Сибири // Северный регион: наука, образование, культура. 2004. № 1 (9). С. 163–169.

12. Маслюженко Д.Н. Возможности использования сибирских летописей для реконструкции идеологии сибирского княжества Тайбугидов // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Колл. моногр. Ч. 5. Нижневартовск, 2010. С. 5–33.
13. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1999, 630 с.
14. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. М., 2000, 796 с.
15. Миненко Н.А. Тюмень: Летопись четырех столетий. СПб., 2004, 512 с.
16. Нестеров А.Г. Династия Сибирских Шейбанидов // Тюркские народы: Мат-лы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2002. С. 205–214.
17. Никитин Н.И. Присоединение Сибири // Российская империя: от истоков до начала XIX века: Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 115–145.
18. Никитин Н.И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2004. С. 51–87.
19. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 4 / Сост. Н.Н. Оглоблин. М., 1901. 288 с.
20. ПЛДР. Кн. 2. М., 1989. 704 с., ил.
21. Полищук В.В. Тюмень изначальный // «Сулеймановские чтения – 2006»: мат-лы IX Всерос. научно-практ. конф. (г. Тюмень, 18–19 мая 2006 г.). Тюмень, 2006. С. 84–88.
22. Преображенский А.А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М.В. Нечкиной. М., 1976. С. 376–384.
23. Резун Д.Я. Предисловие // Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996. С. 9–35 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7).
24. РИБ. Т. 2. СПб., 1875. XII, XX, 1228 с.
25. РИБ. Т. 8. СПб., 1884. XVI, II, 1292, 52 с.
26. Самигулов Г.Х. Сейдяшевы и Кульмаметевы – попытка реконструкции // ПСР. Тюмень, 2014. С. 162–167.
27. Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 113–124.
28. Солодкин Я.Г. Был ли Черкас Александров соратником Ермака? (К истории сибирского летописания XVII в.) // Клио: Журнал для ученых. 2013. № 9 (81). С. 118–120.
29. Солодкин Я.Г. Было ли сражение на Ишиме в 1591 году? // Военно-исторический журнал. 2014. № 12. С. 60–62.
30. Солодкин Я.Г. Взаимоотношения «ермаковых казаков» и коренного населения Сибири в оценках Г.Ф. Миллера // «AUS SIBIRIEN – 2015»: Научно-информационный сб. Тюмень, 2015. С. 138–142.
31. Солодкин Я.Г. Начало складывания контингентов служилых татар в городах «русской» Сибири // Военно-юридический журнал. 2014. № 12. С. 26–29.
32. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012., 231 с.
33. Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань, 2010. 288 с., ил.
34. Тычинских З.А. Татарская страта Сибирского ханства // Сулеймановские чтения (тринадцатые): Всерос. научно-практ. конф. «Тюркское средневековье Западной Сибири в современных исследованиях» (Тюмень, 18–19 мая 2010 года): мат-лы и докл. Тюмень, 2010. С. 117–120.
35. Худяков Ю.С. Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке // ИЭК. Курган, 2011. С. 104–108.
36. Худяков Ю.С. Оборона южных рубежей Западной Сибири русскими воинами в конце XVI – первой трети XVII в. Ч. 1 // ГНС. 2011. № 1. С. 3–7.
37. Худяков Ю.С. Привлечение сибирских татар на российскую службу в конце XVI в. // ПСР. Тюмень, 2014. С. 215–219.
38. Худяков Ю.С. Участие татарских воинов в составе российских войск в военных действиях в Западной Сибири в конце XVI – начале XVII в. // ГНС. 2013. № 4. С. 63–66.
39. Файзрахманов Г. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002. 488 с.
40. Шашков А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 116–161.

Список сокращений:

- ГНС – Гуманитарные науки в Сибири
ЕЛ – Есиповская летопись Основной редакции
ИЭК – История, экономика, культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири:
Мат-лы Междунар. конф. Курган, 22–23 апреля 2011 г.
ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси: XVII век
ПСР – Присоединение Сибири к России: новые данные: Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. с между-
нар. участием. Тюмень, 9–10 декабря 2014 г.
РИ – Российская история
РИБ – Русская историческая библиотека
РЛ – Ремезовская летопись

Ya.G. Solodkin

**SERVICE TATARS AND THE EARLY RUSSIAN COLONIZATION
OF SIBERIA AT THE TURN OF THE 16TH AND THE 17TH CENTURIES:
MILITARY ASPECTS**

The foundation of Tyumen and Tobolsk by Russian servicemen laid the foundations of the local garrisons being made up of service Tatars (*yomyshly*). Later such military units emerged in Tara and Tomsk, Kuznetsk and Krasnoyarsk. The service Tatars participated in the campaigns organized by the new Siberian authorities against khan Kuchum (up to his definitive defeat in 1598), Ali, Nogais, Oirots, Junggars, the Kirghiz. They were also employed in the expeditions against the Upper Narym Prince Vonya, into Tomsk and Kuznetsk territories to impose fur taxation on the locals, and served in the custody of khan Kuchum's relatives, including the prisoners, on their way to Moscow. During the Time of Troubles service Tatars were sent to Pelym Territory to suppress the riots of aborigines, as well as to the territory near Lake Yamyshevskoye where the Kalmyks opposed the servicemen's extraction of salt. Led by Russian and Tatar commanders (among the latter the most well-known are M. Achekmatov and D. Irtyashev), the service Tatars, who had pledged allegiance to Muscovite autocrats, played an important part in the Russian acquisition of Siberian territories, formerly ruled by Siberian khans, their vassals or allies.

Keywords: Yomyshly, Siberia at the turn of the 16th and the 17th centuries, Russian colonization of Siberia, Kuchum, Ali, service Tatars' leaders, Tyumen, Tobolsk, Tara, Tomsk.

Сведения об авторе:

Солодкин Янкель Гутманович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного университета, заведующий научно-исследовательской лабораторией региональных исторических исследований (г. Нижневартовск); E-mail: hist2@yandex.ru

Solodkin Yankel Gutmanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Russian History Department of Nizhnevartovsk State University, Head of the Research Laboratory for Regional Historical Studies (Nizhnevartovsk).